

Концепция, изложенная в книге И. Р. Гальперина, творчески развивающая некоторые идеи А. Моля и Н. Винера¹⁰, в суммарном виде состоит в следующем. Нужно четко различать содержание языковой единицы как совокупности признаков (основных и производных, ведущих и второстепенных, постоянных и переменных, закономерно проявляющихся и случайных) и значение ее как условное обозначение лишь некоторых из таких признаков¹¹. Поскольку содержание языковой единицы шире ее значения, информативность такой единицы можно определить как ту дополнительную информацию, которая извлекается из ее содержания благодаря реализации в определенном контексте. Так, например, значение слова *унылый* — «вызывающий уныние своей безотрадностью, однообразием» и т. п. В содержание же слова может входить и такое представление, как «вызывающий нежную грусть, овеянную чувством восхищения». Эти элементы извлекаются из слова известным пушкинским контекстом: «Унылая пора, очей очарованье...»¹². Таким образом, языковая единица — слово *унылый*, обладая самостоятельной информативностью, несет в контексте дополнительную информацию. Аналогичный пример можно привести и в отношении другой значимой единицы — суффикса. Так, суффикс «ese» имеет в английском языке значением, связанное с указанием на принадлежность к какой-либо нации, с указанием на соответствующий язык (ср., например, *Chinese* китайский), содержание же суффикса шире, и контекст извлекает из него и такие, например, дополнительные элементы, как «принадлежность к какой-либо манере письма, выступления, стиля изложения» и т. п. (ср. *TV-ese* 'телевизионный', *journalese* 'журналистский')¹³.

Примеры подобного рода можно было бы, конечно, умножить — книга И. Р. Гальперина дает достаточный набор ярких иллюстраций, начиная от информативности звуков и кончая информативностью синтаксических единиц. В данном обзоре представляется, однако, более целесообразным попытаться дать теоретическую интерпретацию концепции автора в свете интересующих нас проблем. Думается, что из изложенного выше вытекает два вывода: 1) чем больше расхождение между содержанием и значением слова, тем больше дополнительной информации может нести реализация этого слова в контексте; 2) чтобы извлечь упомянутую дополнительную информацию, требуется дополнительное усилие, модификация общего кода, дополнительный код и т. п. В этой связи можно обратить внимание и на такие высказывания автора, как «всякое отклонение от привычного уже содержит в себе некоторую долю информации», «легкость воспроизведения языковой модели стирает ее выразительные возможности», «ценность информации» — то дополнительное усилие, «которое необходимо затратить на ее декодирование»¹⁴.

Итак, мы затронули две концепции, диаметрально противоположно расценивающие роль стандартизации и упрощения — деавтоматизации и усложнения — кода в информационных процессах. Первая нацелена на обеспечение надежности приема, вторая — на увеличение количества смысловой информации, приходящейся на каждое означающее (и даже на каждую «фигуру»), что при определенных условиях равносильно увеличению скорости.

Сравнивая обе концепции, нужно также отметить, что если В. В. Мартынов, постулируя «произвольность» знака, наглядно показывает роль этой «произвольности» в стандартизации кода, то в книге И. Р. Гальпе-

¹⁰ См. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие, М., 1966; Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958.

¹¹ Гальперин И. Р. Указ. соч., с. 8.

¹² Там же, с. 10, 11.

¹³ Там же, с. 33.

¹⁴ Там же, с. 11, 12.